

Оригинальная статья / Original article

[https://doi.org/10.34680/EISCRT-2026-1\(14\)-45-78](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2026-1(14)-45-78)

5.7.8. Философская антропология, философия культуры
УДК 130.2:578:808

ПОИСК ИСТИНЫ VS СОЗДАНИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ: АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ РАДИКАЛИЗАЦИЯ В РИТОРИКЕ НЕСОВЕРШЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

Николай Кащей,
Новгородский
государственный
университет
им. Ярослава Мудрого
(Великий Новгород,
Россия)

Nikolay Kashchey,
Yaroslav-the-Wise
Novgorod State University
(Veliky Novgorod, Russia)

ORCID: 0000-0002-1324-6582
e-mail:

Nikolay.Kashchey@novsu.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу причин возникновения в современной философии сценария антропологического истолкования предмета риторики, а также проблеме конкурирования идеологических смыслов, свойственного эпохе противостояния двух политических систем и присущих ей ценностных ориентиров. В сфере философии это противостояние разворачивается как возобновление на новой почве исторической борьбы софистики и платонизма за духовное лидерство в обеспечении коллективного волеизъявления. Тем самым автором осуществляется антропологическая радикализация известной эпистемологической проблемы, которую Платон поставил перед софистикой. В этой связи особый интерес представляют изящные способы оправдания Г. Блюменбергом софистического принципа «человек-мера» в его работах, посвященных подобной антропологически-ориентированной риторике. Подвергается анализу уместность, вытекающая из проповедуемого отказа не сколько от идеального государства Платона, сколько от принципов поиска истины в пользу эффекта и создания впечатления. Автор обосновывает

тезис о том, что антропологическая риторика, как ее понимает Г. Блюменберг, являясь риторикой несовершенного человека, не преодолевает метафизической ограниченности софистики. Тогда как уход от незаинтересованного совместного поиска истины, в процессе которого люди принимают за реальность различные варианты ее уподобления, приобретает черты глобального доксического зеркала, тем самым превращая ее в риторику пещеры big data.

Ключевые слова: антропологическая риторика, Г. Блюменберг, основной антропологический вопрос, платонизм, политика, притча Платона о пещере, софистика, этика риторики, риторический эффект.

Финансирование: исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Для цитирования статьи:

Кащей, Н. А. (2026). Поиск истины vs создание впечатления: антропологическая радикализация в риторике несовершенного человека. *Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований (EISCRT)*, 1(14), 45–78. [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2026-1\(14\)-45-78](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2026-1(14)-45-78)

FINDING THE TRUTH VS CREATING AN EXPERIENCE: ANTHROPOLOGICAL RADICALIZATION IN THE RHETORIC OF THE IMPERFECT HUMAN

Abstract. This article analyzes the reasons for the emergence of an anthropological interpretation of rhetoric in contemporary philosophy, as well as the problem of competing ideological meanings characteristic of the era of confrontation between two political systems and their inherent value orientations. In philosophy, this confrontation unfolds as a renewal, on new grounds, of the historical struggle between sophistry and Platonism for spiritual leadership in ensuring collective will. In doing so, the author provides an anthropological radicalization of the well-known epistemological problem posed by Plato to sophistry. In this regard, of particular interest are the elegant ways in which G. Blumenberg justifies the sophistic principle of "man as measure" in his works devoted to this anthropologically oriented rhetoric. The appropriateness of the advocated rejection not so much of Plato's ideal state as of the principles of truth-seeking in favor of effect and impression-making is analyzed. The author argues that anthropological rhetoric, as understood by G. Blumenberg, being the rhetoric of imperfect humanity, fails to overcome the metaphysical limitations of sophistry. Meanwhile, abandoning the disinterested, collaborative search for truth, in which people accept various versions of its analogy as reality, takes on the characteristics of a global doxic mirror, thereby transforming it into the rhetoric of the big data cave.

Keywords: anthropological rhetoric, H. Blumenberg, main anthropological question, platonism, politics, Plato's parable of the cave, sophistry, ethics of rhetoric, the rhetorical effect.

Funding: the research had no sponsorship (own resources).

For citation:

Kashchey, N. A. (2026). Finding the truth vs creating an experience: anthropological radicalization in the rhetoric of the imperfect human. *Experience Industries. Socio-Cultural Research Technologies (EISCRT)*, 1(14), 45–78. [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2026-1\(14\)-45-78](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2026-1(14)-45-78)

Шанс на выход из «пещеры»

Антропологическая риторика появляется в истории философской мысли отнюдь не случайно, по крайней мере, ее возникновение во второй половине XX века напрямую увязывается с определенным идеологическим дискурсом, направленным против не столько так называемых тоталитарных идеологий, олицетворением которых выступают марксизм-ленинизм и побежденный немецкий фашизм, сколько, в первую очередь, против платонизма как метафизической платформы построения справедливого общества на принципах духовной морали. Здесь также уместно вспомнить знаменитого идеолога «пражской весны», чешского писателя, диссидента, государственного и общественного деятеля Вацлава Гавела, а также экзистенциально окрашенную, либеральную критику тоталитаризма немецко-американского философа и политического теоретика Ханны Арендт. Однако, с нашей точки зрения, по глубине и силе философского осмысления «коварной сути» построения идеального государства особая роль в такого рода осмыслении принадлежит работам немецкого философа и педагога Ганса Блюменберга (1920–1996 гг.) «Антропологический подход в актуализации риторики» [Blumenberg, 1981] и «Выходы из пещеры» [Blumenberg, 1989]. Именно в этих трудах традиционное для европейской философской и интеллектуальной традиции представление о «пещере» как поле битвы за истину интерпретируется как риторическое неистовство философа в преодолении оков разума и формируется новая установка

на обеспечение идеологического господства посредством целого спектра индустрий впечатлений (ил. 1).

Ил. 1. Причта о пещере Платона – новая реальность в постмодернистскую эпоху, или история о том, как истина слепит, а впечатления завораживают. Ян Санредам. *Antrum Platonicum* («Платонова пещера», оттиск, 1604 г., Британский музей, Лондон).

Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://clclib.org/c/KHKW>

Платоновская риторика контрпропаганды, направленная против софистики и ее практической морали, а также политика и этика выдающегося античного философа закономерно вызывала неподдельный «академический» интерес идеологов «бархатных» революций XX–XXI веков. Они наперебой провозглашали лозунги о жизни без коммунистической утопии (за фасадом которой им, конечно, мерещился Платон с его идеями благодатной жизни) как о выстраданном завоевании современности [Rohrmoser, 1989: 17].

Консолидированный «развод» с современным проектом справедливого общества, выражающий как идеологический, так геополитический интерес правящей западной элиты того времени, заявлялся ими решительно и деловито как «конец мечты и великих иллюзий», чтобы пресечь всяческие поиски общегосударственных духовных ориентиров, принципов благодатной жизни из-за возможности «пережить» [Jonas, 1984: 245].

За подобной возможностью «пережить», стоит также и известная проблема строительства государства на всеобщих объединяющих принципах духовной морали, понимаемых как неременное политическое условие организации справедливой жизни общества. Появление характерных для современной эпохи экономических и биологических проектов политики, казалось, должно было бы способствовать возвращению в политику интеллектуального начала. Однако, хотя Платон в свое время и создал для него убежище (а именно Академию), возвращению туда платоновского интеллектуального этоса не могли, да и не хотели позволить создатели «человеко-мерной» практической морали как метафизической основы жизни, основанной на «пресловутых» правилах. Как и почему антропологическая риторика заменяет платоновский этос софистическим и, как следствие, поиск истины на впечатления, ведущие к заранее прогнозируемому социально-политическому эффекту, собственно, и является целью настоящей статьи.

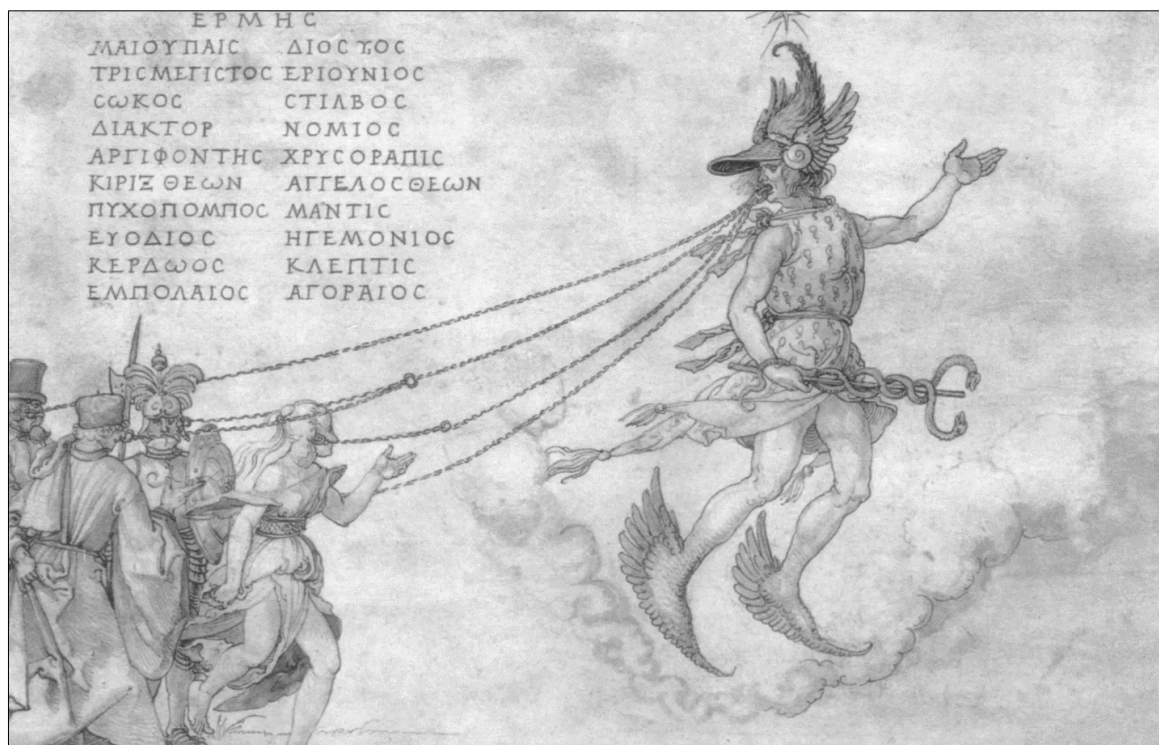
Начиная с девяностых годов прошлого века еще существующей тогда политической системе социализма настойчиво вменяются угнетение и принуждение миллионов людей

к «жизни во лжи» [Havel, 1989], а философские «фантазии» марксизма больше не рекомендуются в качестве конкретных указаний для политической практики. Тем самым заявляется о смерти последней на Земле великой политической утопии, которая с ее попытками постижения общественно-экономических формаций при помощи философии одновременно похоронила и «последнюю социальную мечту» [Bloch, 1959: 558]. Казалось бы, марксистский способ философских рассуждений, который использовал проект («мысленное построение» [Платон, 1971]) государства ушел в историю и не стал практической реальностью (как пишет Х. Арендт, не стал «к счастью» [Арендт, 1996: 68]). Однако именно платоновский проект, а не его марксистский вариант традиционно подвергается изощренной критике, которая становится необычайно востребованным элементом современной западной философии. Здесь, в первую очередь, стоит назвать австро-британского философа, логика, социолога Карла Поппера, который с присущей ему чисто либеральной безапелляционностью настойчиво пытался низвергнуть платоновский идеализм, вменяя ему в вину то, что любые попытки устроить небо на земле, всегда неизменно приводят только в ад [Поппер, 1992: 292].

Однако дело состоит вовсе не в том, что проекту Платона приписывают историческую ограниченность мышления и системных предпосылок его философии. Прежде всего вызывает отторжение его понимание высших ценностей. Инициативное заявление Г. Блюменберга об антропологическом понимании риторики в работе «Антропологический подход в актуализации риторики» и дальнейшее развитие этих идей во внушительной по

объему книге «Выходы из пещеры» направлены не сколько против, несомненно, вызывающего множество вопросов проекта строительства идеального государства, сколько против вполне успешной платоновской «Академии» как педагогического предприятия в целях совместного и незаинтересованного поиска истины в рамках диалектической методологии. Причем этосом подобных поисков как раз и выступают принципы духовной морали.

Таким образом, ставится под сомнение философское низвержение софистики, предосудительность принципов практической морали по отношению к морали духовной. В то же самое время антропологическая риторика, направленная на просвещение, выступает против диалектики, ориентированной на поиск истины. Гермес-Огмий (ил. 2) становится настоящим

Ил. 2. Дюрер А. Аллегория красноречия (1514 г. Галерея Альбертина, Вена). Огмий – бог мудрости и красноречия друидов и сегодня продолжает пленять души людей. Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://clc.li/dffXE>

символом антропологического возрождения новой риторики, поэтому не удивительно, что его изображение присутствует в различного рода публикациях, посвященных оправданию доксихического устройства мира.

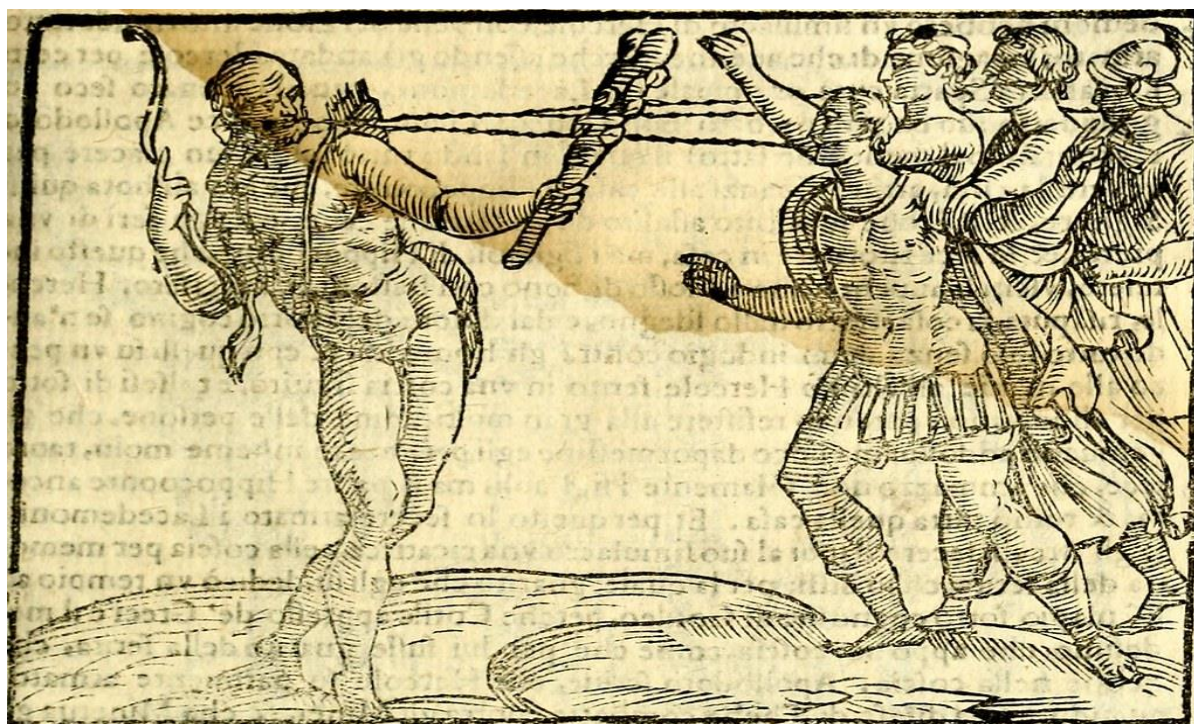
Антропологическая риторика как методическая компенсация человеческой ограниченности является основным направлением блюменберговских поисков предназначения современной риторики. Показательно, что он больше не интересуется теоретико-несовершенными амбициями традиционной риторики, что объясняется явно антропологической направленностью его интереса. И в то же время подобная постановка вопроса предполагает более точное уяснение тезиса о человеческой ограниченности. Уяснение, которое должно помочь исключить почти все ограниченности и недостатки человеческой природы как, по крайней мере, антропологически несущественные или неактуальные. Для риторики антропология у Г. Блюменберга играет центральную роль, сравнимую с миссией антропологии у Людвиг Фейербаха в его модели реконструкции религии, представленной в работе «Сущности христианства». Речь идет, конечно же, о риторике ограниченного человека, которая и есть антропологически открытая риторика Г. Блюменберга. Именно она в свое время сильно раздражала искушенных в риторике исследователей, которых вполне можно понять, даже если они и не были признанными поклонниками Цицерона, Квинтилиана или же Исократ.

Достаточно вспомнить центральную роль риторики для «политической» возможности человеческого существования

у знаменитого на весь мир ученика Платона Аристотеля. Вообще трудно себе представить, чтобы Аристотель как обвиненный в бедности человек, опираясь на онтологические основания несовершенного статуса практики, написал свою Риторику [Аристотель, 2007], или же чтобы Цицерон создал свои трактаты об ораторе [Цицерон, 1972]. Но даже в соответствии с собственными предположениями Г. Блюменберга следует сказать, что риторика может быть с тем же успехом определена и

«как особенно красноречивое свидетельство успешного дефицита или, точнее, компенсация бедности, а не как “свидетельство бедности”»
[Blumenberg, 1981: 116].

Этот успех символизирует галльский Геркулес (ил. 3), изображение

Ил. 3. Галльский Геркулес пленяет людей. Vincenzo Cartaris «Imagini delli dei de glantichi» (Venedig, 1647 г., Duke University Libraries). Гравюра становится своеобразным мемом той эпохи и затем появляется на обложках многих европейских изданий по современной риторике во второй половине XX века. Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://clc.li/qJTIX>

которого приводит немецкий исследователь риторики XX века Йозеф Коппершмидт, иллюстрируя суть антропологической риторики Г. Блюменберга.

Суть в том, должна ли риторика просто обеспечивать дополнительные шансы для эффективного убеждения в истинности доказательств, принимаемых в качестве теоретических или нормативных, или же она должна увязывать эти истины с успехом консенсуса, основанного на убеждении, для достижения которого необходимо бороться и обосновывать. В одном случае – согласно ключевому отрывку из эссе Г. Блюменберга – риторика предназначена только для явления истины, а в другом – и только этот случай представляет интерес для Блюменберга – она напрямую связана

«с затруднениями, возникающими из-за невозможности достижения истины» [Blumenberg, 1981: 105].

Шанс «выхода из пещеры», таким образом, напрямую связывается с идеей просвещения и образования. Несомненно, что специфический политический опыт современности в лучшем случае лишь вызывает множество вопросов. Тогда как антропологическая риторика как теория и философия подобного просвещения в современных условиях все больше становится инструментом идеологического обеспечения определенного социально-политического уклада западного образца. Известно, что Г. Блюменберг был увлеченным учителем (в Германии он представлен как педагог не в меньшей мере, чем как мифолог и теоретик литературы), который, однако, скептически относился к успеху всякой педагогики и неоднократно обсуждал этот

скептицизм, присущий всем хорошим учителям, в том числе содержащийся и в аллегории Платона о пещере как центральном тексте гуманистического просвещения Античности.

Г. Блюменберг сделал этот пример видным и актуальным образцом, опираясь на интерпретацию Мартином Хайдеггером аллегории пещеры, правда, с дополнениями к этой интерпретации Вальтера Брекера, ученика Хайдеггера и учителя самого Г. Блюменберга. В случае с Блюменбергом бесплодие всех учений неизбежно приводит к периодически повторяющимся вспышкам политического насилия и даже к физической ремифизации мифического опыта (ил. 4), который, как теперь выясняется, не был ни в должной мере освоен, ни до конца преодолен, несмотря на катастрофические и чудовищные примеры из мировой истории XX века.

Ил. 4. Физическая ремифизация мифического опыта уже не только потенциальная опасность, о которой в свое время заявлял Г. Блюменберг, но и кошмарная политическая и медийная реальность современной Европы. В современной России подобные действия подпадают под действие статьи УК РФ 282.4. Неоднократные пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами. Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://www.stoletie.ru/upload/medialibrary/319/foto-k.jpg>

Хотя, возможно, еще и сегодня остается надежда на компенсацию человеческой ограниченности, которую, по мнению ее теоретиков, вполне может предоставить как раз антропологическая риторика

Риторика: как и во имя чего нужно преодолевать ограниченность человеческих границ

Реконструкция риторики в указанном смысле (как методическая компенсация человеческой ограниченности) также является основным направлением научного интереса Г. Блюменберга в уже упомянутом нами ранее

«яростном и мысленно неисчерпаемом риторическом эссе, которое, несмотря на многие усилия, все еще не нашло должной оценки и влияния в риторических кругах» [Kopperschmidt, 2018: 32].

Тот факт, что Блюменберг не интересовался вышеупомянутыми теоретически несовершенными амбициями традиционной риторики, объясняется явно антропологической направленностью его исследований. И в то же время такой подход предполагает более точное уяснение тезиса о человеческой ограниченности, которое должно помочь исключить почти все ограниченности и недостатки человеческой природы как по крайней мере антропологически несущественные или неактуальные.

В таком случае – это недостатки, в строгом терминологическом смысле, антропологии. И это только те недостатки, которые имеют сугубо жанровую природу и подталкивают нас к центральному антропологическому вопросу:

«живому недостает существенного, чтобы вообще выжить» [Blumenberg, 1981: 124].

Но живое существо способно делать это настолько хорошо, что может даже думать о своих собственных, на самом деле весьма «парадоксальных» условиях существования и преобразовывать их в теории относительно собственного существования. Таким образом, живое существо с таким интеллектуальным потенциалом, с описанием самого себя как «несовершенного существа», также обеспечивает истинное самоотречение, поэтому подобное самописание следует рассматривать только лишь как провокационный призыв. Именно он направлен на окончательное прояснение парадокса живого существа, которое, невзирая на свои недостатки и

«несмотря на свое биологическое недомогание» [Blumenberg, 1981: 130],

добилось такого успеха. Библия об этом толкует следующим образом:

«И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими (и над зверями) и над птицами небесными» (Быт. 1: 28).

Таким образом, почти вся жизнь на этой Земле (включая и собственную жизнь человека) теперь зависит от его благодати.

Соответственно, многовековая история борьбы с вышеупомянутым парадоксом неизбежно должна была стать историей попыток прояснения тайной логики этого парадокса, пока он не был обнаружен в диалектике в его наиболее явной кульминации. А именно: человек явно живое существо, которое не было бы столь успешным, если бы не его недостатки, поскольку очевидно, что именно

«его недостатки были в состоянии вырвать у него усилия, чтобы успешно компенсировать эти недостатки, и его волю к выживанию, в первую очередь» [Blumenberg, 2006: 216].

Блюменберг применительно к риторике даже использует, правда всего один раз, соответствующий термин «компенсация» [Blumenberg, 1981: 108]. Тем не менее (и это нельзя отрицать) мыслитель гораздо меньше заинтересован в такой антропологической оценке риторических недостатков и/или компенсации бедности, чем в (по общему мнению, необратимом, но не менее болезненном) признании в свое время этой компенсационной функции риторики в качестве философии.

Тем не менее мы явно видим попытку мыслителя рекламировать сосредоточение внимания на человеческой бедности и сосредоточение внимания на богатстве его риторики, которая методически компенсирует эту бедность. Но не в качестве строгой альтернативы антропологическим ссылкам, а в качестве дополнительных, чтобы называть эти средства риторики «средствами утешения». Вместо того, чтобы просто функционально говорить о «компенсациях за производительность» в контексте предложенного Г. Зиммелем определения с тем, чтобы «восполнить недостаток» средств [Blumenberg, 2006: 218].

В то же время укажем, что взгляд, намеренно и чрезмерно сфокусированный на недостатках понимания риторики Г. Блюменбергом, неизбежно приведет к утрате диалектического характера ее прочтения. И это объясняется не только личностью мыслителя Блюменберга, но также его глубоким интересом к вопросам, которые относятся не только к риторике, но и

к философии. Блюменберг вообще не интересуется риторикой как теорией и системой знания, а обращается к ней исключительно в контексте пресловутого противоречия с философией, которое философия спровоцировала еще со времен Платона. Поскольку как раз именно в этом споре его разрешение, согласно Блюменбергу,

«снова и снова терпело неудачу» [Blumenberg, 1981: 110],

то речь здесь идет не только о философии, но также и о риторике. Многим это не сразу может показаться правдоподобным, однако центральная проблема и первой и второй все та же, а именно проблема истины. С этой проблемой, согласно основному тезису Г. Блюменберга [Blumenberg, 1981: 105], риторика всегда имела дело и должна была относиться к ней либо положительно, или же отрицательно. Таким образом, констатируется, что философское подтверждение или же опровержение доступности истины для человека, всегда предполагает учет роли риторики.

Суть в том, должна ли риторика просто обеспечивать дополнительные шансы для эффективного убеждения в истинах, принимаемых в качестве (теоретических или нормативных) доказательств, или же она должна увязывать эти истины с успехом потенциального консенсуса, основанного на подобного рода убеждении, для достижения которого необходимо все время бороться и обосновывать. В одном случае (согласно ключевому отрывку из эссе Блюменберга)

«риторика имеет отношение к последствиям обладания истиной» [Blumenberg, 1981: 105],

а в другом – и только этот случай представляет интерес для Блюменберга –

«с затруднениями, возникающими из-за невозможности достижения истины» [Blumenberg, 1981: 105].

Если бы все было иначе, то веками продолжающийся спор между философией и риторикой был бы понят совершенно неправильно. Из этого следует, что история философии и история риторики неразрывно переплетены, поэтому всякий, кто имеет дело с риторикой и не понимает ее как чистое красноречие и эстетику, должен интересоваться философией. Так же как и наоборот, всякий, кто имеет дело с философией, должен быть заинтересован в прогрессе риторики и быть обеспокоенным исходом этого все еще продолжающегося конфликта между философией и риторикой.

Конечно, чтобы сделать его интеллектуально-историческое измерение более или менее узнаваемым, это противостояние следует назвать перманентным конфликтом между философией и софистикой. Г. Блюменберг непосредственно говорил о нем, когда связывал подобный конфликт с «инсинуацией» Платона. Он утверждал, что

«риторика софистов [...] основана на тезисе о невозможности достижения истины» [Blumenberg, 1981: 104–105]

и производной отсюда идее о

«праве платить любую цену за обладание истиной» [Blumenberg, 1981: 104–105].

Являясь критиком Платона, Блюменберг, конечно, не разделял его вывода, но зато он разделял софистический тезис

о «недоступности истины», который выражает собой базовый дефицит доказательств всякого человека разумного, и который позволяет очертить концепцию человеческой ограниченности куда более точно, чем выведение ее из дихотомии человек – животное, как это имеет место в традиционной антропологии. В соответствии с этим люди, страдающие от недостатка доказательств (как теоретических, так и практических), в первую очередь бедны.

Эта концепция человеческой ограниченности (бедности) интересна еще и потому, что знаменитые кантовские вопросы «Что мы можем знать?» (Критика чистого разума) и «Что нам делать?» (Критика практического разума) предлагают установить связь давней философской традиции теории познания с теорией ценностей. Тем самым открывается возможность для информативного упорядочивания двух альтернативных терминов (софистический/платонический) и двух одинаковым образом альтернативных и радикальных антропологических концепций (бедный/богатый человек). Сужение этих теоретико-риторических и антропологических альтернативных концепций приводит и к возможности сужения как теоретико-риторических, так и антропологических концепций человеческой бедности или богатства. Именно так это делается в качестве примера в тексте Г. Блюменберга.

Риторика имеет дело либо со «смущением», которое является следствием дефицита доказательств личности и, таким образом, становится инструментом методизации и их компенсации посредством коммуникативной работы. Или же риторика

«имеет отношение ко следствиям, вытекающим из обладания истиной» [Blumenberg, 1981: 104–105]

и, соответственно, становится методизацией ее успешного посредничества, то есть «приукрашивает правду» [Blumenberg, 1981: 104–105]. Со ссылкой на только что процитированную терминологию Г. Блюменберга уже Коппершмидт предлагал термин «коммуникативно-ориентированная риторика смущения» [Kopperschmidt, 2018: 32] для первого случая, а для другого – термин «риторика эффективности, ориентированная на успех» [Kopperschmidt, 2018: 32] или даже термин «риторика subsidiarности» [Kopperschmidt, 2018: 32]. Позже он предлагал строго различать оба эти типа риторики с помощью более общих терминов: социально-техническая риторика уговаривания и риторика убеждения, связанная с согласием [Kopperschmidt, 2018: 32].

Если говорить о концепции риторики, то в отличие от антропологии, в ней исторически преобладала не теоретическая парадигма риторики замешательства и смущения, а альтернативные риторики эффективности. В Цицероновской форме симбиоз «красноречия и мудрости» (*eloquentia et sapientia*) стал не только чрезвычайно привлекательным для гуманизма, но также, благодаря принятию его Августином, оказался пригодным и для христианской риторики, поскольку способствовал распространению Божественной истины спасения, а при определенных условиях помогал ей стать гораздо более доступнее. Подобная вспомогательная функция риторики значительно облегчила ее выживание на протяжении долгих веков,

и тот, факт, что она косвенно способствовала и постоянному пренебрежению философией, очевидно, не без сожаления отмечает и Блюменберг [Blumenberg, 1981: 105].

Несмотря на подобную историческую асимметрию успеха, Г. Блюменберг заходит настолько далеко, что утверждает, что антропология «бедного человека» или «неидеального человека» может быть систематически соотнесена не только с соответствующим вариантом риторики, но и что тот или иной вариант антропологии ограниченности даже уже когда-то

«был изложен в риторике» [Blumenberg, 1981: 107].

На практике это означает, что риторика, по сути, сама по себе является одним из центральных антропологических достижений в ситуации дефицита доказательств. Или, выражаясь несколько по-иному, сама суть риторики как раз и состоит в «отсутствии сути» [Blumenberg, 1981: 124], как утверждают представители антропологической традиции в обозначенном ими тезисе об ограниченности человека. Соответственно, согласно идеям Г. Блюменберга, риторика может вызывать серьезный интерес у философии только в том случае, если она перестанет быть необходимым «злом» в виде риторики субсидий (как, например, она представлена у Августина) для эффективного распространения истин спасения даже для людей, склонных к упадничеству [Blumenberg, 1981: 105]. А также, когда она выступит методической основой совещательного процесса коммуникации, способного компенсировать «затруднения» субъектов, которым платонизм в принципе отказал в «прямом» или «немедленном» доступе к «реальности».

Однако со временем приходит понимание и того отрезвляющего факта, что прошло так много времени после платоновской победы над софистикой и философия превратилась в радикальное «отречение» [Blumenberg, 1981: 112], «отречение» от

«всякой риторики, лежащей в ее основе» [Blumenberg, 1981: 112],

которое для философии всегда было достаточным поводом для презрения по отношению к риторике за «отказ» от обладания истиной [Blumenberg, 1981: 112]. Пока философия была не способна избавиться от этого «отречения», риторика стала «искусством выживания» [Blumenberg, 1981: 112]. Занимаясь «основным вопросом» антропологии, весьма амбициозным в условиях дефицита ресурсов человека, она пыталась понять, как именно человек может действительно выжить в условиях базового дефицита доказательств. По Блюменбергу, в его концепции «абсолютных метафор», например, метафора, которая носит название «чистая истина», выступает основой философского языка и не сводится к логике. Показательно, что такого рода метафоры служат основой для рассуждения и поступка, однако в условиях дефицита аргументов могут применяться для выживания и обретения смысла.

Поскольку нынешняя философия больше не может «отречься» от риторики без ущерба для себя, поэтому у нее есть шанс дать возможный ответ на только что обозначенный антропологический «основной вопрос» с точки зрения философии риторики. Именно она способна пролить дополнительный свет на проблему дефицита языковых средств выражения мысли. Поскольку риторика, если ее понимать в духе Г. Блюменберга как

компенсирующее преодоление базового недостатка доказательств, косвенно свидетельствует о существовании «бедности» в форме дефицита языковых средств, который необходимо преодолеть. Этот термин означает не пренебрежение к риторике, а, скорее всего, попытку назвать ее основное содержание как часто используемое «возвращение» в настоящее. И в то же время методически определить его как способ справиться языковой бедностью и дискурсивной ограниченностью.

Казалось бы, многочисленные исторические неудачи подобных попыток в прошлые эпохи должны были окончательно отбить у современных идеологов охоту использовать риторику в явно политизированных целях построения «идеального общества». С тем, чтобы перенаправить ее энергию коммуникационного освобождения человеческого языка, а также имманентно присущего ему потенциала рациональности и разумности, которая в условиях свободы слова может приводить к необходимому значению солидарную энергию убеждающей речи. В этом и заключается уникальный шанс для «риторики пещеры» как коммуникативной стратегии, пытающейся, согласно идеям Г. Блюменберга, хоть как-то преодолеть «тиски разума», то есть найти некий приемлемый компромисс с разумом. Однако этот шанс и условия свободы слова, лишённые платоновских универсальных требований нравственности, неизменно превращаются в идеологически обусловленные условия и красивые вывески» (ил. 5), за которыми стоят ложь и корыстные геополитические интересы, основанные на практической морали и так называемых «правилах» современного Запада.

Ил. 5. «Свобода – это наша религия». Баннер на здании Дома Профсоюзов (г. Киев, Украина, 2014 г.). Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://www.yaplakal.com/forum3/topic2918085.html>

К великому сожалению, такого рода примеров в современную эпоху фейков можно приводить бесконечное множество. К наиболее обескураживающим и опасным из них можно отнести реабилитацию политических режимов гитлеровских сателлитов, наглую ложь заместителя госсекретаря США Виктории Нуланд о ситуации на Украине с торжественной публичной раздачей на Майдане Независимости в Киеве 11 декабря 2003 года знаменитых «печенек» (ил. 6).

А чего стоит знаменитое выступление 5 февраля 2003 года Госсекретаря США Колина Пауэлла в ООН, где он якобы предоставил доказательства наличия оружия массового уничтожения в Ираке, что послужило поводом для военного вторжения США. И так всегда: чем больше лжи, тем ярче и привлекательнее ее идеологическая обертка (ил. 7)!

Ил. 6. Акция: «Продай Родину – получи «печеньки» от Госдепа США». Или политическая риторика на службе уничтожения неудобных режимов, государств и народов. Фотоколлаж по поводу событий на Украине 2013–2014 гг. Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://clck.ru/3SUNot>

Ил. 7. Ложь, шантаж и политика, или вот как рождаются гомункулусы сначала риторических, а затем и настоящих войн. Изображение размещено в свободном доступе на платформе: http://topwar.ru/uploads/posts/2015-12/1451424961_img17309.jpg

«Риторическое» против «философского», или как совместить эффективность слова и убедительность мысли

Можно согласиться с позицией немецкого исследователя в области риторики Й. Коппершмидта в том, что величайшим достижением в истории философской мысли была блюменберговская реабилитация риторики, сопоставимая, с его точки зрения, лишь с аристотелевской. По крайней мере, работа Г. Блюменберга является таким же «освободительным прорывом» для риторики, как и знаменитая работа «Истина и метод» Г. Гадамера, исходя из того, что было сказано об этом до сих пор. Для Й. Коппершмидта эссе Г. Блюменберга «Антропологический подход к актуализации риторики» 1971 года является наиболее важным вкладом в систематическое разъяснение тех условий, которые обеспечивают философское возвращение риторики. Именно там мы находим высказывание, которое описывает всю сложность противоречивых отношений между философией и риторикой с восхитительной стилистической точностью:

«Враждебность, привнесенная Платоном, между философией и риторикой, находится в самой философии <...> и разрешена в ущерб философии» [Kopperschmidt, 2018: 45].

Выражение Й. Коппершмидта «в самой философии» относится именно к тому факту, что философское открытие риторики, как, собственно, и все другие дисциплинарные ее открытия, были и должны были быть сделаны извне, потому что сама риторика вообще не могла удовлетворять требованиям этих открытий. Это особенно справедливо в контексте проблемы философской

истинности и достоверности и ее эпистемологических последствий. Ибо

«пока философия хотя бы может надеется на перспективы вечных истин, окончательной уверенности, консенсус как идеал риторики, согласие как результат убеждения должны казаться ей презренными» [Blumenberg, 1981: 112],

как это хорошо заметно на картине «Аллегория риторики», написанной итальянской художницей Артемизией Джентилески в 1650 году (ил. 8).

Ил. 8. Джентилески А. Аллегория риторики (1650 г., частная коллекция).

Вот как выглядит риторика: женский образ, полный величия, достоинства и уверенности, вооруженный типичными атрибутами риторики: чернилами, папирусом, свитками и кинжалами.

Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://clck.ru/3SXo8T>

Все изменилось только после того, как и сама философия в один «прекрасный» момент не смогла избежать такой же участи отречения, которую раньше на протяжении многих веков разделяла лишь риторика. Категория «отречение» окончательно устраняет соблазн говорить о какой бы то ни было победе риторики над философией. И если в этом случае вообще можно говорить о какой-то победе, то это была победа риторической парадигмы в философии. То есть победа той самой философии, которая сменила свою традиционную объективистскую парадигму достоверности в пользу парадигмы валидности, напрямую зависящей от одобрения и, следовательно, основанной на убеждении. Именно она как раз была представлена риторикой и воплощена в классической формулировке пресловутого тезиса Протагора о том, что «человек есть мера всех вещей».

Это высказывание очень точно определяет цену, которую философия заплатила за собственную «победу» над собой или же против себя, без которой философское облагораживание риторики было бы в принципе невозможным. Это философски оплаченное «облагораживание» было и остается настоящей изюминкой «возвращения риторики» в теорию. Ибо отката к социотехнической риторике убеждения могло и не произойти, потому что такого рода риторика в ограниченной форме уже давно обрела свои скромные шансы на выживание на периферии многих дисциплин. Все, что оставалось открыть – это философскую значимость

субстанциального содержания риторики. А могло произойти подобное открытие только в рамках философии и только через философию, потому что только она в состоянии «эпистемологически» требовать отказа от абсолютной достоверности и, таким образом, создавать предпосылки для философского открытия риторики вообще [см. более подробно Kopperschmidt, 2018: ch. 5].

Риторика пещеры big data

Тем не менее, такое открытие философией риторики оставалось непосредственно привязанным к отречению от нее. Философии приходилось вести переговоры не только с самой собой, но и «против» самой себя, а именно против устоявшегося и решительно защищаемого утверждения о том, что человека следует рассматривать как существо, в принципе, способное к постижению и провозглашению истины. Г. Блюменберг, по крайней мере, дал намек на то, какое великое обещание подразумевало подобное фундаментальное предположение истины традиционной метафизики в том смысле, что

«[ego] мысли также могут быть мыслями бога» [Blumenberg, 1981: 107].

Это должно было означать

«необходимость вечные истины низводить до степени ближайшей надежности» [Blumenberg, 1981: 109]

или признавать, что

«мир не является соучастником нашей воли к познанию» [Blumenberg, 1981: 109].

Пиетет по отношению языковой надежности при этом явно оказался в гораздо более выигрышном положении, а потому можно с полным основанием считать богиню Пейто (ил. 10) еще одним претендентом на образ антропологической риторики.

Ил. 10. Так вот как выглядит Пейто, спутница Афродиты, Океанида, дочь Океана и Тетиды, а по «совместительству» – богиня убеждения в древнегреческой мифологии. Пейто (Апулийская краснофигурная лутрофора, 4 век до н. э., музей Дж. Пола Гетти, Лос-Анджелес, Калифорния, США).

Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://ancient-mythology.ru/boginya-pejto/>

С другой стороны, подобное «изгнание» Платона носило явный идеологический подтекст, который был столь характерен для

широкого информационного наступления во второй половине XX века так называемой эпохи «двоемыслия» [Золян, 2018]. Наступления на универсальные ценности господствующих в Европе марксистских и левых течений, ведь Платон является только выразителем тоталитарного социального устройства. Антропологический поворот неизбежно приводит к господству практической морали, на которую уповали еще древние софисты.

Суждения, основанные на духовной морали и общих ценностях, становятся в это время для Запада, победившего в «холодной войне» мало приемлемыми. К тому же они оказываются, что называется, «не в тренде» в современном мире информационных технологий и фейков. Поскольку грубая сила все меньше нуждается в идеологической подоплеке. Как раз поэтому предпочитает обходиться без идеологии и ныне действующий президент США Д. Трамп, не скованный в принятии политических решений ничем, кроме собственной морали и собственного разума, как он об этом заявил газете «The New York Times» [Более подробно об этосе риторики можно посмотреть: Рождественский, 2015].

«Человек-мера» как основной тезис, лежащий в основе антропологического поворота риторики, релятивизирует не только поиск истины, но, прежде всего, окончательно обесценивает все попытки достижения всеобщего согласия. Антропологический поворот в этом смысле представляет собой, в первую очередь, идеологическую стратегию обоснования необходимой победы современного западного либерализма, и победы не только политической. Таким способом обосновывается новая

метафизическая парадигма тотального господства визуальных и образных представлений. Как это ни парадоксально звучит, но платоновская притча о пещере в ее актуальном риторико-антропологическом истолковании выступает в рамках современного информационного общества отнюдь не фантастическим образом существования человечества и даже содержит в своем пророчестве актуальные возможные последствия цифровизации и компьютеризации.

Глобальное нашествие образов и впечатлений приводит к тому, что реальность повсеместно уподобляется гиперреальности. Она все больше приобретает характер имитации реальности, приводит к размыванию факта и вымысла. В эпоху, когда игра теней становится неотличимой от самой реальности, последняя находится уже как бы в стороне и от истины, и от разума. Антропологически истолкованное поле современной глобальной коммуникации выступает аллегорией аллегории платоновской пещеры в ее современном понимании как пещеры big data [Миронов, 2019]. Во многом причиной ее сегодняшнего «бытия» являются большие данные, которые могут изменить сознание человека и общества, окончательно превратив его в компьютерную симуляцию. Ведь именно от подобных фейков человечество начинает зависеть все значительнее, если не сказать фатальнее...

Ежедневно проходя коридорами университета, мы обращаем внимание, как в наиболее темных местах, уткнувшись в гаджеты, сидят студенты. Это и есть картинка современного воплощения

аллегии пещеры как состояния человека, глубоко погруженного в мир теней виртуального мира (ил. 11). Антропологическая

Ил. 11. Скованные одной цепью... «Рабы» гаджетов в цифровом плену теней своих виртуальных пещер. Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://clck.ru/3SXoch>

риторика, являясь риторикой несовершенного человека, не преодолевает метафизические ограниченности софистики, из которой она рождается, даже благодаря софистическому образованию [Вольф, 2018]. Уход от незаинтересованного совместного поиска истины и бегство от сущности, когда люди принимают за реальность любой из вариантов ее уподобления, приобретает черты глобального доксического зеркала, которым, в сущности, и является современное пространство глобальной коммуникации, в котором визуальный эффект полностью вытесняет идеал и истину. Поэтому символическое «возвращение» Платона в Академию (современную гуманитарную науку), которую исторически он создал и был изгнан оттуда по совершенно

идеологическим соображениям, и в самом деле представляет насущную проблему современной гуманитарной мысли.

Литература

- Арендт, Х. (1996). *Истоки тоталитаризма*. Москва: ЦентрКом.
- Аристотель. (2007). *Риторика*. Москва: Лабиринт.
- Библия (2005). *Азбука веры: сайт*. URL: <https://azbyka.ru/biblia/?r> (дата обращения 17.10.2025).
- Вольф, М. (2018). Софистическое образование. *ΣΧΟΛΗ / Scholē. Философское антиковедение и классическая традиция*, 12 (1), 287–296. <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2018.12.10431>
- Золян, С. Т. (2018). "Двоемыслие" и семиотика политического дискурса. *Полис. Политические исследования*, 3, 93–109. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.03.07>
- Миронов, В. В. (2019). Платон и современная пещера big-data. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*, 35(1), 4–24. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2019.101>
- Платон. (1971). *Сочинения: в 3 т. Т. 3, ч. 1*. Москва: Мысль.
- Поппер, К. Р. (1992). *Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона*. Москва: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива».
- Рождественский, Ю. В. (2015). *Теория риторики: учебное пособие для студентов филологических специальностей университетов*. Москва: Флинта: Наука.
- Цицерон. (1972). *Три трактата об ораторском искусстве*. Москва: Наука.
- Bloch, E. (1959). *Das Prinzip Hoffnung*. Frankfurt: Suhrkamp.
- Blumenberg, H. (1981). Anthropologische Annäherung an die Aktualität der Rhetorik. *Wirklichkeiten, in denen wir leben* (pp. 104–136). Stuttgart: Reclam.
- Blumenberg, H. (1989). *Höhlenausgänge*. Frankfurt: Suhrkamp.
- Havel, V. (1989). *Versuch, in der Wahrheit zu leben*. Reinbek: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
- Jonas, H. (1984). *Das Prinzip Verantwortung*. Frankfurt: Suhrkamp.
- Kopperschmidt, J. (2018). *Wir sind nicht auf der Welt, um zu schweigen: eine Einleitung in die Rhetorik*. Berlin; Boston: De Gruyter.
- Rohrmoser, G. (1989). *Religion und Politik in der Krise der Moderne*. Stuttgart; Wien; Köln: Styria.

References

- Arendt, H. (1996). *The Origins of Totalitarianism*. Moscow: TsentrKom Publ. (In Russian).
- Aristotle. (2007). *Rhetoric*. Moscow: Labirint Publ. (In Russian).
- Bible (2005). *ABC of Faith: website*. URL: <https://azbyka.ru/biblia/?r> (accessed: 17.10.2025). (In Russian).
- Bloch, E. (1959). *Das Prinzip Hoffnung*. Frankfurt : Suhrkamp.

- Blumenberg, H. (1981). Anthropologische Annäherung an die Aktualität der Rhetorik. In *Wirklichkeiten, in denen wir leben* (pp. 104–136). Stuttgart: Reclam.
- Blumenberg, H. (1989). *Höhlenausgänge*. Frankfurt: Suhrkamp.
- Cicero. (1972). *Three Treatises on the Art of Oratory*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).
- Havel, V. (1989). *Versuch, in der Wahrheit zu leben*. Reinbek: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
- Jonas, H. (1984). *Das Prinzip Verantwortung*. Frankfurt: Suhrkamp.
- Kopperschmidt, J. (2018). Wir sind nicht auf der Welt, um zu schweigen. In *Eine Einleitung in die Rhetorik*. Berlin; Boston: De Gruyter.
- Mironov, V. V. (2019). Plato and the Modern Cave of Big-Data. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Resolution*, 35(1), 4–24. (In Russian). <https://doi.org/10.21638/spbu17.2019.101>
- Plato. (1971). *Works in three volumes*. Moscow: Mysl Publ. (In Russian).
- Popper, K. R. (1992). *The Open Society and Its Enemies. Vol. 1: The Spell of Plato*. Moscow: Phoenix, International Foundation "Cultural Initiative" Publ. (In Russian).
- Rohrmoser, G. (1989). *Religion und Politik in der Krise der Moderne*. Stuttgart; Wien; Köln: Styria.
- Rozhdestvensky, Yu. V. (2015). *Theory of Rhetoric: A Textbook for Students of Philological Specialties at Universities*. Moscow: FLINTA, Nauka Publ. (In Russian).
- Wolf, M. (2018). Sophistic Education. *ΣΧΟΛΗ*, 12(1), 287–297. <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2018.12.10431> (In Russian).
- Zolyan, S. T. (2018). "Dvoemyysliye" and the Semiotics of Political Discourse. *Polis. Political Studies*, 3, 93–109. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.03.07>

Поступила в редакцию / Received 18.07.2025

Поступала после рецензирования / Revised 30.10.2025

Принята к публикации / Accepted 02.03.2026

Об авторе / About the author

Кашей Николай Александрович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социологии. Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (Россия, 173003, Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41).

ORCID: 0000-0002-1324-6582, Nikolay.Kashchey@novsu.ru

Kashchey Nikolay Aleksandrovich – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Sociology. Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (41, B. St. Petersburg str., Veliky Novgorod, 173003, Russia).

ORCID: 0000-0002-1324-6582, Nikolay.Kashchey@novsu.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares that there is no conflict of interest.